

УДК 821.113-31

ИРИНА ТЫМИНСКАЯ

(Полтава)

ТИПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ОБРАЗОВ РОМАНА СИГУРДА ХЁЛЯ «МОЯ ВИНА»

У статті аналізується творчість норвезького письменника Сігурда Хьоля. Досліджуються типологія й поетика образів у романі «Моя вина»: головного героя та інших учасників руху Опору, колабораціоністів, нейтральних норвежців, які належали до різних прошарків суспільства, а також жіночі образи. Герої роману відзначаються різноманітністю особистих якостей, характерів, учинків і долі. Епічність характерів, поєднана з актуальністю проблематики, реалізм у зображенні подій та висока міра їхньої деталізації, вміння чітко виділяти й структурувати сюжетно значущі характери та епізоди життя героїв дозволяють автору переконливо і різнобічно розкрити проблематику роману і тісно пов'язану з нею психологію конфлікту ідей. Аналізуються причини появи тоталітарних ідеологій, простежується зв'язок творчого методу С. Хьоля з теорією психоаналізу З. Фрейда і В. Райха, робиться певний внесок у вивчення специфіки загальноєвропейського літературного процесу ХХ століття.

Ключові слова: роман, поетика, типологія, Сігурд Хьоль, норвезька література.

Норвежская литература первой половины ХХ века занимает важное место в общеевропейском литературном наследии. Творчество Г. Ибсена, К. Гамсуна, Х. Крога, О. Бротена, Н. Грига, С. Хёля, К. Уппдала, Ю. Фалькбергета, П. Эгге, целого ряда других писателей оказало существенное влияние на европейскую и в целом мировую литературу ХХ века. Вместе с тем в отечественном литературоведении в силу ряда причин объективного характера изучению норвежской литературы данного периода не уделяется должного внимания. Подавляющее большинство научных работ на эту тему традиционно ограничивается анализом творчества Г. Ибсена, К. Гамсуна, Б. Бьёрнсона, влияние которых на мировой литературный процесс хотя и бесспорно, но далеко не единично.

С учетом этого представляется актуальным исследовать специфику творчества писателей, пусть и менее значимых, чем указанный выше литературный триумvirат, однако занимающих важное место в истории норвежской литературы новейшего времени. В данной статье анализируется художественное наследие одного из ярких представителей литературной жизни Скандинавии первой половины ХХ века Сигурда Хёля (1890–1960). На примере романа «Моя вина» (1947) исследуются типология и поэтика образов главного героя, других персонажей, прослеживается связь творческого метода автора с теорией психоанализа З. Фрейда и т. д. Проведенный анализ дает возможность лучше понять специфику скандинавского и общеевропейского литературного процесса ХХ века, более точно охарактеризовать особенности целого ряда частных и общелитературных проблем.

Сигурд Хель, мастер социально-психологического романа, по праву считается одним из наиболее значимых норвежских писателей ХХ века. Известность к нему приходит в 1927 году с выходом романа «Грешники под летним солнцем» (Syndere i sommersol), ставшего одним из самых значительных произведений норвежской

литературы межвоенного периода и одним из первых норвежских романов, в котором явно прослеживается влияние теории психоанализа З. Фрейда.

В 1930-е годы С. Хёль издает несколько насыщенных иронией и психологизмом романов о жизни современной Норвегии. Среди них – «День в октябре» (*En dag i oktober*, 1931), где раскрывается тема неудачных браков, а также резко, в стиле Г. Ибсена, критикуется традиционный институт семьи в буржуазном обществе. Примерно в это же время писатель знакомится с учеником З. Фрейда, врачом и психологом Вильгельмом Райхом. Влияние теорий В. Райха на его творчество оказалось значительным и прослеживается, например, в попытках С. Хёля раскрыть психологические корни возникновения тоталитарных идеологий.

В годы войны С. Хёль участвует в движении Сопrotивления, пишет статьи для нелегальной прессы. В 1941 году выходит его исторический роман «Фамильная сталь» (*Arvestålet*), действие которого происходит в 1820-х годах. В произведении, посвящённом жизни крестьян, чувствуется влияние фольклора и народной культуры. Несмотря на то, что в первые годы оккупации «локальная литература» переживала расцвет, книга была негативно оценена критиками, в частности, Финном Халворсеном. С. Хёль задумал продолжение романа, но этим планам не суждено было сбыться. В 1943 году он вынужден бежать из страны и до 1945 года живет в Швеции.

Война стала большим потрясением для писателя, оказав значительное влияние на его творчество. Послевоенные произведения С. Хёля посвящены, главным образом, описанию и анализу жизни Норвегии в период оккупации и первые годы после освобождения страны. Герои этих романов – представители городской интеллигенции. Главная проблема, которая волнует С. Хёля, – ответственность человека за судьбу своей страны и всего человечества. Писатель пытается понять, почему многие норвежцы поддержали нацизм, став предателями? Почему даже в мирное время люди не могут найти покоя? Герои романов «Встреча у верстового столба» (в русском переводе – «Моя вина», норв. *Møte ved milepelen*, 1947), «Я полюбила другого» (*Jeg er blitt glad i en annen*, 1951), «У подножья Вавилонской башни» (*Ved foten av Babels tårn*, 1956) испытывают неудовлетворённость жизнью, ищут выход и не могут его найти.

Произведения С. Хёля 1950-х годов представляют несомненный интерес с точки зрения психологии личности. Писателя продолжают волновать проблемы взаимоотношений человека и общества, коллективного и индивидуального сознания, психологические корни общественного зла. Из поздних романов наиболее интересен «Заколдованный круг» (*Trollringen*, 1958), в котором автор описывает жизнь глухой норвежской деревни середины XIX века. В глубинах психологии крестьянина XIX века писатель пытается найти причины того, что случилось в Норвегии 1940-х годов. Зависть, узколюбость, недоверие, ненависть к тем, кто выделяется из общей массы, – именно эти черты, по мнению автора, служат благодатной почвой для тоталитарных идеологий.

Роман Сигурда Хёля «Моя вина» принадлежит к числу одного из самых знаменитых романов норвежской литературы XX века. Он стал первой попыткой глубокого осмысления уроков гитлеровской оккупации страны, психологии норвежского общества, часть которого примкнула к движению Сопrotивления, часть стала нацистами или, напротив, пыталась сохранить выгодный для себя нейтралитет. Отмечая важность поднятой темы, литературовед-скандинавист Л. Г. Горина подчеркивает, что «самое важное и интересное в этом романе то, что в нем, как ни в каком другом норвежском произведении, посвященном оккупации страны, остро и прямо ставится вопрос: как случилось, что те или иные

норвежцы стали предателями и нацистами? В какой степени каждый человек несет за это ответственность? Как глубоко проник в людей фашизм?» [1, с. 7].

Роман состоит из трех частей и представляет собой записки героя, сделанные им в 1947 году (часть первая), 1943 году (часть вторая) и 1944 году в Швеции (часть третья). Воспоминания героя о прошлом переплетены с описанием современных событий и в совокупности представляют собой картину норвежской жизни в течение четверти века.

Своеобразная форма произведения создает у читателя устойчивое впечатление о том, что автор и главный герой романа – одно и то же лицо, а все события носят биографический характер. В этом плане «Моя вина» служит классическим примером такого отношения к творчеству, за которое выступал в свое время Г. Ибсен. Поэтическое творчество, полагал Ибсен, «заключается в умении видеть, но так, чтобы и читатель смотрел на мир глазами поэта. Видеть же и воспринимать таким образом можно лишь пережитое. И в этом – тайна современного поэтического творчества» [2, с. 165–166].

Автор дает достаточно широкую картину общественной жизни Норвегии в период с 1920-х по 1940-е гг., вплоть до вынужденной эмиграции главного героя в Швецию в 1944 году. Одной из главных проблем произведения стал поиск и детальный анализ причин, приведших часть норвежцев к сотрудничеству с немецкими оккупантами. Все остальные проблемы, которые автор рассматривает с разной степенью детализации – моральной ответственности человека перед обществом, близкими людьми, перед самим собой, взаимоотношений отцов и детей, дружбы и любви, языковые вопросы и так далее – в значительной степени подчинены анализу главной проблемы произведения – проблемы любви и предательства.

Герой произведения – житель Осло по прозвищу Безупречный, представитель норвежской интеллигенции, юрист, увлекающийся физикой, участник движения Сопротивления. После случайного разговора он задумывается над тем, что привело значительную часть его знакомых в нацистскую партию, полагая, что ответ поможет в будущем избежать повторения таких ошибок. В поисках истины Безупречный анализирует детство, поступки и характеры своих друзей, знакомых, а также собственные убеждения и поступки.

Важное место в этом анализе занимает любовь главного героя и девушки Кари (Марии Стеен). Их встреча в начале двадцатых годов привела к тому, что по инициативе Кари, знавшей Безупречного от их общего знакомого Карла Хейденрейха, они познакомились и стали любовниками. Однако ни искренние чувства молодых людей, ни беременность Кари не заставили Безупречного преодолеть свое отвращение к браку. Устав ждать, Кари убедила Безупречного в том, что проблема ее беременности оказалась надуманной, вышла замуж за Карла Хейденрейха и исчезла из жизни главного героя.

Их новая встреча произошла спустя много лет, во время оккупации Норвегии немецкими войсками. Безупречный получил задание расследовать провал подпольщиков в небольшом городе. Приехав туда, герой узнает, что здесь живут его давний знакомый Карл Хейденрейх, ставший нацистом, его жена Мария (Кари) и их сын Карстен, разделяющий убеждения Карла, которого он считает родным отцом. Увидев, как девушка-служанка одного из подпольщиков, влюбленная в Карстена, передает последнему записку с информацией о планах антифашистов, Безупречный понимает причины провалов и успевает принять нужные меры. Однако лично ему не удалось избежать ареста: в гостинице Безупречного ждут Карл Хейденрейх и гестаповцы. К герою приходит осознание последствий случившегося много лет назад: «Как он оказался здесь?»

Записка. Значит, сын. А я как оказался в этом городе? Опять сын – его деятельность повлекла за собой это задание. А каким образом он сделался... Но это уже моя вина. Поведи я себя как мужчина в ту неделю, в тот день в сентябре двадцать первого, этого бы никогда не случилось, мой сын был бы м о и м сыном, был бы на нашей стороне, Ландмарка и Эвенсена не арестовали бы, меня не послали бы сюда и, значит, тоже не арестовали бы... это мое собственное прошлое вернулось сейчас ко мне, это я сам себя выследил, и, в сущности, это я сам сидел сейчас на стуле и сторожил себя... Круг замкнулся» [3, с. 274].

Таким образом, даже Безупречный не имеет права утвердительно ответить на вопрос, который задал ему один из соратников: «Кто из нас так чист, что может объявить во всеуслышанье: я безгрешен. Я не нацист, не явный, не тайный, ни единым помыслом моим, ни единым делом или словом. И я не несу вины за то, что кто-то другой сделался нацистом» [3, с. 43–44].

С учетом этого галерея предателей родины приобретает во многом второстепенное значение, служит своеобразным фоном, который дает возможность автору глубже раскрыть проблему любви и предательства. «Я знаю, – размышляет герой, – есть тысячи форм предательства, а побуждений к нему – десятки тысяч» [3, с. 103]. Безупречный рассказывает истории жизни будущих нацистов. Внимание акцентируется на том, что уже в юности у них проявлялись и крепили отрицательные черты характера, развитие которых со временем и приводило человека в лагерь врага.

Для Карла Хейденрейха – это равнодушие и поиск личной выгоды, для Ханса Берга – богохульство, ставшее корнем его последующих неудач, а также цинизм. Для Ларса Флатена – чрезмерная простота, над которой потешались его знакомые. Для Ивера Теннфьерда – честолюбие и скупость, для Эвара Скуггена – карьеризм, для Уле Гундерсена – мысли о собственном величии, для Карстена Хаугена – злословие, для Сверре Хармана – горячая любовь к родине.

Например, Сверре Харман «написал докторскую диссертацию. И она провалилась. Кажется, он пытался доказать, что Христофор Колумб был норвежец. А заодно и Магеллан. И все великие путешественники» [3, с. 117]. Кроме того, он всерьез занялся проблемами родного языка. «Перед самой войной очень много шумели насчет перестройки лансмола (лансмол – один из двух официальных письменных языков Норвегии; формирование языка нюнорск, изначально называемого «языком страны» (landsmål), началось в середине XIX века. – И. Т.) ближе к восточнонорвежским говорам. Об отмене форм на «i», распространении форм на «a», приближении к говору крупных районов и прочее в этом духе. <...> Сверре Харман хотел, чтобы существительные оканчивались на «i». Он участвовал в нескольких газетных потасовках по этому поводу. Он отстаивал окончания на «i» с такой страстью, что мне вспомнился его давнишний вопрос, могу ли я умереть за идею» [3, с. 118]. И когда министр культуры и пропаганды норвежских коллаборационистов объявил о внедрении лансмола (окончания на «i» тоже достойны всякой похвалы!), Сверре Харман перешел на сторону врага. Он продал родину за одну единственную букву, которая вела его за собой, как стрелка компаса – мореплавателя», – отметил автор [3, с. 102–125].

С другой стороны, участники Сопrotивления тоже не лишены недостатков. Так, среди руководителей норвежского Сопrotивления бесспорным интеллектуалом является Андреас. Даже Безупречный, острый ум и наблюдательность которого показаны автором достаточно подробно, признавал некоторое превосходство Андреаса. «Он был прекрасный

юрист. Мы поговаривали даже, что, если бы он стал генералом или министром обороны, все пошло бы иначе... Как-то и ему высказали эту мысль, но она вызвала у него отвращение. <...> А вот стоять за кулисами во время государственного совещания и тянуть за веревочки, чтоб посмотреть, как дергаются министры, – это дело другое, это пожалуйста» [3, с. 23]. Кроме того, Андреас – хороший психолог: «Трудно представить себе более любезного и приятного человека, чем Андреас. Угрозы и резкости были ему бесконечно чужды. Он со всеми почти был дружелюбен. Но иногда вдруг появлялось чувство – довольно неприятное, – что его отношение к тебе не так-то много и значит. Дело – вот что было для него единственно важно» [3, с. 22]. Показательно, что сам Безупречный по интеллекту в чем-то превосходит даже Андреаса, и эту его черту С. Хель изображает одним легким штрихом: «Вообще мне начинало казаться, что я знаю почти все его мысли. Это меня забавляло; возможно, отчасти потому он был мне так по душе» [3, с. 24].

Описана в романе и другая сторона интеллектуальности. О ней Безупречному уже после победы рассказал доктор Хауг. В руках доктора оказались документы с описанием научных экспериментов над заключенными, проведенных в одном из немецких концлагерей. Суть экспериментов сводилась к изучению влияния психического шока (заключенному сообщали о его предстоящей казни) на биологические функции организма. Кроме того, заключенных подвергали смертельным пыткам, после которых проводили микроскопическое и химико-биологическое исследование их внутренних органов с целью изучения реакции этих органов на боль. С одной стороны, отчаявшиеся люди, с другой – хладнокровные господа с титулами, знаками отличия, с высшим образованием, в академических шапочках, которые расхаживали по белым больничным палатам, восседали в красиво обставленных кабинетах и изучали отчаяние. Таких интеллектуалов главный герой отвергает с особой категоричностью, отмечая, что даже садисты, сутенеры, насильники, убийцы – все на свете преступники, даже «грубый и грязный гестаповский палач», во всей своей мерзости еще могут, в отличие от них, называться людьми [3, с. 323–326].

Подпольщик Индрегор рассказывал Безупречному об особенностях своей «грязной работы» страховым агентом. Его клиенты-коллаборационисты нередко опускались до такой степени, что иногда он задавался вопросом: неужели и они были когда-то детьми, влюблялись, страдали, плакали? Многие норвежские нацисты предпочитали тайное страхование, причем так, что «если победит, кто надо, то деньги пошли б к самому господину Н. Н., а если победят другие – деньги бы получила жена...» [3, с. 29–30]. Но приходили к нему – тайком, крадучись – и люди, не принадлежавшие к нацистской партии. «Порядочные люди, добрые норвежцы... Крестьяне, оплот народа! Ну, иногда городские... Чем горожанин хуже? Тоже народный оплот. <...> Все они, разумеется, были люди зажиточные, даже более того. И бумаги, конечно, в полном порядке. Да, они предоставляли немцам все, что немцам требовалось. Возможно, они прямо или косвенно играли им на руку – лес, доски, продукты и прочее. Но крестьянину тоже жить надо! Нет разве? И норвежцев они тоже снабжали товарами. Ну да, по ценам черного рынка, но ведь времена-то какие! Опять-таки – разве крестьянину самому не надо жить? <...> Так что вот, вреда от этого никому не будет, никто не будет в обиде, если он подпишет страховочку на жену на случай, если стряется беда...» [3, с. 30–31].

«Добрые норвежцы» на поверку оказываются не менее корыстолюбивыми, чем нацисты типа Карла Хейденрейха или Ивера Теннфьерда. В данном случае показателен эпизод встречи главного героя со старым знакомым Хальворсенем, владельцем леса и

выгона. Хальворсену около пятидесяти. Он крепок, свеж, румян, с добродушной, цветущей физиономией типичного норвежского дельца с хорошими доходами и спокойной чистой совестью. Он хотя и поставляет продукцию нескольким лицам с подмоченной репутацией, однако сам хорошо подстраховался: время от времени дает деньги на нелегальную работу, а в его угодьях прячутся саботеры. Хальворсен принадлежит к числу тех, кто наживается на всем: на народных праздниках и народных бедах, на хороших и плохих временах и даже на собственных радостях и печалях, причем во всех случаях радости и печали людей этого типа носят искренний характер [3, с. 162–163].

Показательно, что положение дел в эмигрантских кругах Лондона и нейтральной Швеции зачастую выглядит столь же неприглядно. Герой, описывая норвежское правительство в изгнании, называет его смехотворным, бездарным и дефективным. Простые норвежцы, включая бывших участников Сопротивления, которые оказались в эмиграции, вообще – «отбросы норвежской нации», карьеристы, бездарности, трусы, хвастуны, интриганы. «А ведь некоторые из них дома, в Норвегии, на людей были похожи, жизнью рисковали, можно сказать играючи. Но стоило каких-нибудь три месяца пробить в Швеции и заполучить жалкое канцелярское местечко – и уж трясутся, будто их жизнь на карту поставлена» [3, с. 216–217].

Значительное внимание автор уделяет женским образам. Эти женщины принадлежат к разным слоям норвежского общества: начиная от тех, кто зарабатывает на жизнь продажей своего тела, и заканчивая дамами из привилегированных кругов. Откровенный анализ автора свидетельствует не в пользу «плодов эмансипации», на которые надеялись в XIX веке сторонники женского движения за равноправие.

Так, описывая молодость Карла Хейденрейха, главный герой вспоминает, что тот стремился брать от жизни те простые радости, которые жизнь ему предлагала, включая времяпровождение с девушками. «Здесь его интересы и интересы тех юных дам встречались. То были продавщицы, секретарши, порождения низших слоев среднего класса Осло – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они пооканчивали специальные курсы, кое-кто из них, быть может, сдал экзамен на аттестат зрелости. Весь день напролет они простаивали за прилавком или просиживали за машинкой. Дома они видели мало удовольствий или совсем никаких. Им было по двадцать, двадцать пять лет. Наверное, – я так думаю – у них была надежда выйти замуж. Но это не получалось. А иногда и надежды не было. Им просто хотелось получить свою порцию радости, и за радость они готовы были платить. В их среде каждый знал, что ничто не дается задаром. Жизнь в магазинах и конторах безжалостно и грубо обучала их этой премудрости. И поскольку случалось так, что им уже не нужно было блюсти невинность, они прикидывали в уме и решали: после двадцати цена на них падает с каждым годом. А через десять лет, когда рассчитывать уже не на что, можно будет выйти за постылого, облезлого сослуживца, если удастся, конечно» [3, с. 130–131].

Той же Гунвор Арнесен, первой любовнице Безупречного, приходилось жить вместе с родителями, с которыми у нее не было ничего общего, которые напрасно пытались втянуть ее в круг своих религиозных понятий, требовали отчета о каждом шаге (вследствие чего Гунвор научилась виртуозно врать) и у которых не было для нее ничего, кроме косых взглядов и недовольного голоса. Жалованья, чтобы жить отдельно, у Гунвор не хватало. После разрыва с женихом она встретила Безупречного, который и помог ей скрасить одиночество и тоску [3, с. 137].

Безупречный вспоминает свои визиты в табачную лавку горбуна Флейшера – маленького калеки, с костлявым лицом и длинными, тонкими руками. Горбун сидел у кассы, а за прилавком стояли две продавщицы. «Они всегда были красивые, но часто сменялись. Всегда красивые, с юной высокой грудью под белыми прозрачными блузками. Говорили, будто этот Флейшер редкий бабник, ненасытный и беспардонный. Он использовал своих девушек, а потом вышвыривал их, как высосанных мух. И набирал новых и новых...» [3, с. 146].

Впрочем, некоторым женщинам в конце концов удавалось решить материальные проблемы. Одну из таких герой встретил спустя двадцать лет, уже во время оккупации Норвегии. Ей удалось выйти замуж за лесопромышленника и стать госпожой Хальворсен: она была хорошо одета, потолстела, сделалась пышногрудой и тяжелой. Вид у нее был «сытый, спокойный и довольный; будто она достигла всего, к чему стремилась, и – посмотрите, как ей хорошо. Только вот взгляд у нее стал какой-то мертвый» [3, с. 163–164].

В целом галерея образов, выведенных С. Хёлем в романе «Моя вина», характеризуется разноплановостью, сложностью характеров, поступков и судеб. Такая эпичность характеров в сочетании с актуальностью проблематики, реализмом в изображении событий и достаточно высокой степенью детализации последних, умение четко выделять и структурировать сюжетно значимые характеры и эпизоды жизни героев позволяют автору убедительно и всесторонне раскрыть проблематику романа и тесно связанную с ней психологию конфликта идей.

В историю норвежской литературы Сигурд Хель вошёл как один из выдающихся писателей XX века. Его творчество, во многом основанное на событиях личного характера, на собственных впечатлениях и переживаниях, помогает глубже понять проблемы психологии человека и общества, нравственного выбора, ответственности каждого из нас за свои поступки, жизнь близких людей, общества и государства в целом.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Горлина Л. Сигурд Хель и его роман «Моя вина» / Л. Горлина // Моя вина : роман / Хель Сигурд. – Москва : Молодая гвардия, 1966. – 336 с.
2. Хейберг Х. Генрик Ибсен / Ханс Хейберг. – Москва : Искусство, 1975. – 278 с.
3. Хель С. Моя вина / Сигурд Хель ; пер с норвеж.: Е. Суриц, В. Мамонтов. – Москва : Молодая гвардия, 1966. – 336 с.

IRYNA TYMINSKA

CHARACTERS TYPOLOGY AND POETICS IN SIGURD HOEL'S NOVEL «MEETING AT THE MILESTONE»

The article deals with the works of Sigurd Hoel, the outstanding Norwegian writer. The aim of this study is to examine the characters typology and poetics in the novel «Meeting at the Milestone», i.e. the main character and other participants in the Resistance, collaborators, common Norwegians belonging to different social strata, female characters. The heroes have different personal traits and destiny, they act in different ways. A great range of characters, topical issues, realism in depicting of the events with many details, properly structured narratives allow the author clearly and thoroughly to reveal the problems and psychological conflict of ideas brought up in the novel. The article gives a detailed analysis of the reasons that caused the emerging of the totalitarian ideology, and traces the connection of S. Hoel's specific writing methods with the psychoanalysis introduced by Sigmund Freud and Wilhelm Reich. All these novel features contribute greatly in studying European literary process of the XX century.

Key words: novel, poetics, typology, Sigurd Hoel, Norwegian literature.

Одержано 3.02.2017 р.